

Дружба

Народов



Изогнутый лекалом мысли звук



Беседу ведут Гульнара Рахметова и Олег Цыганов

Эти беседы велись не один день и в разных местах. Гульнара беседовала в Алма-Ате, Олегу удавалось поговорить в Москве и Баку. Кроме того, в ход шли и телефон, и факс, и электронная почта, потому что Олжаса Сулейменова трудно застать на одном месте — он не только поэт, но сегодня еще и дипломат. Был послом Казахстана в Италии, Греции, на Мальте. Ныне — постоянный представитель Казахстана в ЮНЕСКО. В 2005 году в Москве в издательстве “Грифон” после тридцатилетнего перерыва, последовавшего за первым, алма-атинским изданием 1975 года, вышла его книга “АЗиЯ”.

В приведенной ниже записи этих бесед не уточняется, кто именно из собеседников поэта задает тот или иной вопрос, поскольку каждый из них выражает общий интерес.

— Олжас Омарович, хочу напомнить об одной дате, которую наша культура не должна упустить из вида. Летом 1975 года ровно тридцать лет назад вышла в Алма-Ате ваша знаменитая книга “АЗиЯ”. Мы до сих пор еще не осознали ее значения. Она оказала влияние не только на филологию, но и на политическое сознание советского общества. Американский журнал

“Проблемы коммунизма” в 1986 году назвал “АЗиЯ” в числе немногих книг, подготовивших перестройку. Второй — после “Архипелага Гулаг” Солженицына. Как такая книга смогла выйти в СССР?

— Случайно. Мне, как автору, в издательствах доверяли: книги мои выходили большими тиражами и пользовались спросом. Но это были книги стихов. А тут принес нечто вроде сборника литературоведческих и филологических эссе. Первая часть была посвящена “Слову о полку Игореве”, возникли сомнения. Издательство решило послать рукопись в Москву на научную экспертизу. Потом решили, что незачем отвлекать занятых более важными делами союзных ученых такими пустяками. наших местных рецензентов будет вполне достаточно. Их положительные отзывы поступили в издательство, рукопись пошла в производство. За что через год Бюро ЦК КПК должно было изгнать из партии всех ответственных за выход книги вместе с директором издательства и председателем Госкомпечати. Узнав о проекте решения Бюро, я написал открытое письмо Д.Кунаеву и членам Бюро, в котором привел доводы, повлиявшие на смягчение решения. Отделались строгаками — так назывался строгий выговор с занесением в учетную карточку. “Отделались”, потому что этим делом всерьез занимался Суслов и до Брежнева вопрос доходил. Кунаев помог свести разговор на уровень академии.

— Чем заинтересовало вас “Слово о полку Игореве”? Первая ваша статья о нем появилась в 1962 году, почти за полтора десятилетия до “АЗиЯ”. Был ли рядом наставник, который обратил ваше внимание на эту вещь?

— Как раз в 1962 году я поступил в аспирантуру КазГУ к профессору Х.Х.Махмудову — лучшему слависту Казахстана. Хайруллу Хабибуловича сокращенно звали Ха-Ха. Он посоветовал мне защитить диссертацию на тему “Тюркизмы в “Слове о полку Игореве”. Почитав мои статьи, прежде всего обратил внимание на научную аппаратуру:

— Мало ссылок на корифеев. Надо почаще добавлять — “Как правильно заметил Д.С.Лихачев”, “На что справедливо указал Б.А.Рыбаков”.

— Я же критикую их работы?

— Академики — вне критики.

— А если они ошибаются?

— Академики ошибаться не могут!

Ха-Ха с грустью посмотрел на меня: “Не защитишься...”. Я тогда пошутил: “Я, наверное, не защитник, попробую поработать нападающим”.

Но первым из учителей, кто подвел меня близко к “Слову”, был профессор Сидельников. Преподавал нам в Литературном институте древнерусскую литературу. Он и дал мне задание осенью 1959-го — написать курсовую по “Слову”. Мне надо было переписать пару страниц из учебника и получить зачет. Но я пошел с этой темой в Ленинскую библиотеку, где целый год до этого дописывал свою дипломную по нефтяной геологии (защитил ее летом 1959 г.). Мощь этого хранилища знаний меня увлекла, засосала, как воронка. Я с курсовой своей погрузился в каталоги. Сотни трудов, оказывается, было написано о “Слове” за полтора века после его открытия Мусиным-Пушкиным. Начал читать и не смог оторваться. Первый вариант курсовой сдал через пятнадцать лет в виде книги “АЗиЯ”. Второй написать и издать мне не дали.

— *Чем объяснить ажиотаж вокруг “Слова” в российской науке XIX—XX веков?*

— В эпоху Наполеона — в начале XIX века — Россия впервые осознала себя империей. Это особое самочувствие внезапно повзрослевшего государства. Резко возрастает интерес к собственной истории. Русские древности перечитываются заново. Открываются новые, дотоле неизвестные источники. Среди них обнаруживают бумажный список XVI века “Слова о полку Игореве”, которое почти документально повествует о событии 1185 года. Значит, произведение было написано в двенадцатом веке и переписано в шестнадцатом. И этот манускрипт переписывают для Екатерины. Список XVI века сгорает в московском пожаре 1812 года. Остается только екатерининская копия. Скептики заподозрили, что “Слово” — ловкая подделка под древность. Сюжет, дескать, списан из Ипатьевской летописи, где рассказывается о неудачном походе удельного князя Игоря и его брата Всеволода на половцев к Дону в 1185 году. Цель фальсификации — удревнить историю русской художественной литературы. Она оказывается более ранней, чем многие европейские литературы. А за такое место в мировой культуре стоило побороться. Практически все ученые труды, посвященные “Слову”, пытаются доказать или его подлинность, или поддельность. Мне не надо было доказывать ни того, ни другого: я учился художественному письму, вчитываясь в этот памятник.

— *Какие уроки письма извлекли вы из “Слова”?*

— Пушкин, давая отповедь скептикам, писал, что в России конца XVIII — начала XIX века не было поэтического таланта такой силы, какой выразился в этой найденной поэме. Для меня — благонамеренного читателя — некоторые куски “Слова” оправдывали пафос пушкинского заявления. Например, вот это место, которое, на мой взгляд, должно войти в школьные хрестоматии в том виде, в каком оно дошло до Мусина-Пушкина и Екатерины.

Долго ночь меркнет.

Заря-свет запала.

Мгла поля покрыла.

Дремлет в поле Ольгово хороброе
гнездо.

Так описывает автор ночь перед битвой, несчастной для внуков Олега — Игоря и Всеволода. Я намеренно сделал акцент на ударных гласных последнего предложения. В русской речи ударный звук “о”, часто встречаясь в словах, обозначающих крайние состояния, явления, чувства, количества (ночь, солнце, зной, холод, мороз, огонь, молния, гром, голод, соль, поле, море, мор, горе), приобрел за века минорный характер. Колокольный звук, противоположный жаркому, яркому, радостному “а”. Можно утверждать, что в европейской поэзии и XVIII, и XII веков еще не применялся поэтический прием, который я бы назвал **тоническим подтекстом**. Только в “Слове о полку Игореве” я встретил его сознательное употребление. Гармония “о” в “Слове” сложилась не случайно. Об этом свидетельствует уникальность применения полногласной формы эпитета “хороброе” вместо привычного для лексики памятника “храброе”. В тексте “Слова” 75 раз употребляется южнославянская форма и только однажды — восточнославянская! Значит, автору для чего-то понадобилась именно полногласная форма. Я думаю, потому, что она содержала ударный “о”, помогавший создать тоническую картину тревоги, предчувствия горестного исхода.

Ни скептики и ни защитники “Слова” не обратили внимания на эту аномалию: 75 раз — храбр и 1 раз — хоробр. И ученые-переводчики не придали значения этой загадке. Академики Д.С.Лихачев — главный специалист по “Слову” и Б.А.Рыбаков, а вслед за ними и другие специалисты послушно переводят с древнерусского на современный русский:

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.

Разрушая тонический подтекст, гармонию “о”, без которой поэтически оглохла, обеднела фраза. Рука ученого-переводчика сокрушила самую поэтически совершенную фразу русской, да и мировой поэзии Средневековья. И в екатерининскую эпоху не было в русской поэзии мастера такой силы, о чем и говорил Пушкин. Хотя и он “пропустил” эту строку, не остановил на ней исследовательский взгляд.

— *Кстати, как христианская церковь отреагировала на ваш выпад: “Церковь причинила древнерусской литературе не меньше вреда, чем пожары Батые”?*

— С распространением христианства на Руси не хватало пергамента для тиражирования Библии. Поэтому тексты светского содержания попросту смывались. В XVI веке, когда появилась бумага, удалось переписать некоторые уцелевшие памятники с пергамента на бумагу. Это факт. И церковь с этим согласилась. Никаких разногласий по этому поводу не было. Но, когда я заявил, что ученые, не понимающие ни поэтики, ни сложности языка произведения, наносят серьезный вред “Слову”, вот тогда я почувствовал реакцию.

По-прежнему считаю, что “Слово” не надо переводить на современный русский. При этом губятся остатки еще сохраняющейся подлинности. Я учился в русской школе города Алма-Ата, где “Слово о полку Игореве” мы учили наизусть непереуведенное. И вникали в красоту древнего речения. Это необходимо, чтобы постичь мощь языка. Считаю, что большой вред первичному тексту нанес переписчик XVI века. Он пытался пояснить “старые письмена”, сделать их понятными читателю и поэтому заменял устаревшие, выходящие из употребления слова и выражения современными. То есть переводил с языка XII века на современный. Тогда пострадали многие тюркизмы. Уцелели лишь те, что сохранялись в активном словаре русичей XVI века, и те, которые звучали как русские слова. Некоторые термины он пояснял надстрочно. Переписчик начала XIX века, создавая копию для Екатерины, вписал эти пояснения в общий текст, подправив грамматически. И таким образом пополнялось “Слово”.

Так, над строкой:

взбися див...

Красные девы вспеша на
брезе

синего моря...

кают князя Игоря...

монах-переписчик пояснил слово “див”, непонятное современнику: “се бог отский” — “это бог отцов”. Сплошной строкой, как и было написано все “Слово”. Переписчик Мусин-Пушкин разбил сплошную строку на слова:

взбился див

се бо готский красные девы

вспеша на брезе синего
моря...

Кают князя Игоря.

Так, мне думается, родились “Готские красные девы”, наделавшие много шума в слововедении и в славянской историографии. Академики, пытаясь определить роль готов, которых в XII веке на земле уже не было, нашли в сочинениях римского историка Иордана упоминание о восточных готах IV в. н.э., разгромивших в Крыму антов, коих некоторые исследователи посчитали предками славян. И вот, оказывается, по истечении восьми веков автор вспоминает о готских девах и заставляет их петь славу Кончаку и хаять князя Игоря, видимо, потому, что он — потомок антов. Все это напридумывали ученые-толкователи, упрямо считавшие текст “Слова” подлинным от начала до последней точки. Хотя эта явная дописка переписчика XVI века и творческая доработка последнего переписчика может служить одним из самых убедительных доказательств того, что в основе Екатерининской копии, которую и считают сочинением неизвестного фальсификатора, лежал некий старинный текст, в палеографических нюансах коего не смог разобраться переписчик, нанятый графом Мусиным-Пушкиным. Это место, тщательно просветленное, способно доказать, что “Слово” — не священное писание, в котором нельзя усомниться ни в одной букве. Его надо читать коллективом — славист, поэт, тюрколог, историк, палеограф, — сплоченным в одном лице. Узким специалистам такие многомерные вещи, как “Слово”, не под силу. Это и доказал опыт изучения и толкования памятника в течение почти двух веков. Об этом открыто сказано в “АЗиЯ”. Что и вызвало гнев сплоченного коллектива узких специалистов.

— *Вы участвовали в заседании Академии наук СССР по “АзиЯ”. Какова была атмосфера этого заседания? Была ли у вас возможность защищаться? Были ли люди, которые говорили в вашу защиту? И когда состоялось это обсуждение?*

— 13 февраля 1976 года, в зале Отделения общественных наук на Волхонке. По списку пропустили в зал сорок семь академиков, членкоров и рядовых докторов наук. Обсуждение длилось с 9 часов утра до 18, без перерыва на обед. Открыл его академик Б.А.Рыбаков словами: “В Алма-Ате вышла яростно антирусская книга — “АзиЯ” сотысячным тиражом”. И последовавшая симфония соответствовала увертюре. За немногими исключениями. “До чего дошло. “Слово о полку Игореве”, оказывается, написано казахом!” Тогда считалось — покритиковал ученого с московской пропиской — проявил антирусские настроения. Но чтобы — “яростно”?! Мне пояснили в перерыве на перекур — в тот год книга Рыбакова, именно та, которой досталось в “АзиЯ”, была выдвинута на Ленинскую премию. Понятная обеспокоенность и вызвала такие эпитеты и обвинения.

— *Премью Рыбаков, кажется, получил.*

— Конечно. И поднятый шум даже помог — решение выносил Суслов.

— *Однако вы начали говорить об исключениях...*

— Запомнились некоторые. Например, Василий Иванович Абаев — крупнейший индоевропеист — поддержал мое предположение о двуязычии автора “Слова” и читательской среды. В XII веке элита общества Киевской Руси знала кроме русского и язык Поля, половецкий, относящийся к кипчакской ветви тюркских языков. “*Если в древнерусском словаре было более пятисот тюркизмов, это свидетельство длительной эпохи двуязычия*”, — сказал Абаев. Такую статистику, по его словам, подтверждало бытование эпох армяно-тюркского и армяно-персидского, а также грузино-персидского и грузино-тюркского двуязычий. Со временем и грузинский, и армянский освободились от большинства иноязычных включений. Надо полагать, такой же процесс “освобождения” произошел в русском языке за века, прошедшие после ига.

После его выступления я записал в блокнот: “1001 слово”. Возник замысел этимологического словаря — тюркизмы в русском. Потом написание его затянулось по понятным причинам, и тема изменилась. Но в процессе работы над этим словарем я увидел, какое влияние на древнерусский оказал именно казахский язык, который многими чертами отличается от остальных тюркских наречий. Это доказывало, что древние русичи довольно тесно взаимодействовали и с древнеказахскими племенами, кочевавшими в Диком поле.

— *Что для творца — свобода духа? “АЗиЯ” — ярчайший образец авторской независимости. Единственно, с чем вы считались, — истина. Когда вы чувствовали себя свободнее — прежде, когда оспаривали мнения авторитетов в науке и тем самым наживали себе врагов, или теперь, когда можно говорить все? Раньше вас слушали и слышали. Теперь слушают и...*

— Раньше меня слушала и слышала читательская элита всего Советского Союза. Теперь эта категория читателей, увы, сократилась. Если вовсе не сошла на нет. И надо ждать нового возрождения Великого читателя. Он порождает в литературе свободу духа и возводит в высокий ранг поиск истины. Посредственный читатель не может породить великую литературу.

— *А вы встречались с Лихачевым после его статьи “Об ошибках О.Сулейменова” и того обсуждения?*

— Да, несколько раз. Очень по-доброму. Московский телережиссер Ионас Марцинкявичус, делавший мое двухчасовое выступление в зале Останкино в 80-м году, поехал в Ленинград взять интервью у Лихачева. Снимал его дома. И рассказывал потом, как удивился, увидев в его книжном шкафу “АЗиЯ”,

она стояла не корешком, как обычно, в ряду других книг, а была развернута за стеклом, всей обложкой.

В 1985 году мы втроем — Лихачев, Андрей Вознесенский и я — участвовали в работе какой-то писательской конференции в Сицилии. В свободные от заседаний дни выбрались посмотреть старинный амфитеатр в Сиракузах. Нам в помощь нашли местного историка со знанием русского языка. После осмотра обедаем. Дмитрий Сергеевич, ему было тогда за восемьдесят, с удовольствием ел спагетти по-болонски, с мясным фаршем. Историк сообщил, что в Италии существует больше сотни рецептов этого блюда — с морскими продуктами, с овощами. Я не удержался и добавил, что лапша с мясом, вероятно, были самыми первыми составляющими итальянского блюда. “Вы, конечно, найдете и ему восточное происхождение”, — академик переглянулся с Андреем. “А это правда, — неожиданно вмешался переводчик, — Марко Поло привез рецепт спагетти из своего путешествия в Восточный Туркестан. Он устраивал в Венеции званые обеды, где демонстрировал новые заморские блюда. Итальянцам больше всех остальных понравилось спагетти. И до сих пор нравится. Название не итальянское. Наверное, так блюдо называлось на родине. От “спагетти” уже у нас произошло название тонкой бечевки “спагетто”. У вас — “шпагат”. “А вот теперь, Дмитрий Сергеевич, когда наш друг привел историко-культурное обоснование генезиса этого термина, позвольте дальнейшую этимологию взять на себя”. Я набросал на листке большого блокнота дспд **етти1** — “лапша мясная”. Вероятно, так звучало это сложное слово в старо-уйгурском. В итальянском мягкий гласный **д** передался бы твердым **а**. Начальный гласный в итальянском, особенно в заимствованных словах, редко сохраняется. А в возникшее сочетание гласных **ае** врежется механический медиатор **аге**. Так дспд **еттi** могло преобразоваться в **спагетти**. В современном уйгурском определение уже стоит перед определяемым: **етти дспд** — “мясная лапша”. Но в прошлом некоторые тюркские диалекты признавали и обратное построение. Эти примеры сохраняются в названиях местностей, в гидронимах. Например, в Западном Казахстане есть местность Кольсары, то есть “Озеро желтое”. Озеро высохло давно, а слово осталось. В других местах живут еще полноводные Сары Коль — “Желтое озеро”. Да и название тотемического существа **каз ак** (“гусь белый” > “лебедь”), ставшее этнонимом, пришло к нам из давних времен. Когда определение перебралось на первое место (**ак каз** — “белый гусь”), тогда, думаю, и появился алтайский вариант этнонима **ак кас** > **хак кас** > **хакас**. Так от спагетти мы добрались до Алтая. А потом и до Древней Греции. Психологи говорят — ассоциативный тип мышления. Я исписывал примерами уже второй лист. Вспомнил, что в орхонских памятниках VIII века часто высшему титулу каган соответствует вариант **иль баш-и** — “страны глава”. (Сегодня в Казахстане президента журналисты величают **ель басы** — “страны глава”.) Но в греческом языке закрепился, уверен, тот же термин в другом построении **bas-il-i** — 1) “глава страны”; 2) “царь”. Формант в обоих случаях

переносился в конец слова. Европейские имена Базиль, Василь, Василий и арабское Фазиль, Фазыл происходят от греческого **Basilios** — “царь”, которое, в свою очередь, должно искать свое происхождение в диалектах древнетюркского языка.

“Однако, — покачал головой академик, — турки появились в Малой Азии, кажется, только в одиннадцатом веке. А **басилиос** в греческом, я думаю, раньше”. Я сказал, что нам более-менее известен только поверхностный пласт истории. А тюркские слова встречаются и в более глубоких и в самых глубинных “культурных слоях” Малой и Древней Азии. В хеттских, шумерских, ассиро-вавилонских. И глубже. За несколько десятков тысячелетий большинство этносов по несколько раз обошли землю. И славяне в том числе, и турки. Никто из нынешних народов не автохтонен. Все пришлые, одни недавно, другие давно. Поэтому следы всех народов Евразии надобно искать всюду и не удивляться, если они вдруг обнаруживаются в самых неожиданных местах планеты. В Америке, например, или в Африке.

Мы допили кофе, и Дмитрий Сергеевич, как бы подводя итог нашей беседе и своим размышлениям, сказал: “Если бы вы приехали с рукописью “АЗиЯ” в Ленинград, мы бы посидели пару дней, полистали, поспорили. И получилась бы прекрасная книга”.

И я с сожалением ответил, что книга бы тогда вообще не вышла.

И добавлю — ни одна из моих книг, касающихся истории и лингвистики, не смогла бы выйти, если бы пришлось их рукописи пропускать через мелкочейистые сети московских или петербургских институтов узкой специализации.

Даже сейчас, полтора десятка лет “свободы слова”, в России издали по несколько раз все ранее запрещенное, даже “Майн кампф” Гитлера, “Протоколы сионских мудрецов”, не говоря уже о Солженицыне. И только “АЗиЯ” почему-то вылетала из планов давно независимых, частных издательств.

С Дмитрием Сергеевичем мы встречались и в дни съездов народных депутатов. На одном из съездов, кажется, на первом, в конце мая восемьдесят девятого, выступая, академик вдруг сказал, что русская культура издревле взаимодействовала с восточными, в частности с тюркскими степными культурами. О чем ясно свидетельствует “Слово о полку Игореве”.

Таков, я думаю, был настоящий итог нашего с ним диалога, продолжавшегося полтора десятка лет.

— В критической литературе о книге “АЗиЯ” говорится о первой ее части — “Соколы и гуси”, посвященной “Слову о полку Игореве”. Но о второй половине под заголовком “Шумер-наме” отзывов мне читать не приходилось. Значит ли это, что ученые-читатели приняли ее “без возражений”? Или сочли недостойной своего внимания?

— Академическая наука и сейчас не готова принять тезис о контактах шумерского языка с языками других этносов. Во-первых, потому что шесть тысяч лет назад, как считается, нынешних народов еще не существовало, а следовательно, не было и языков их. Это же просто, а Сулейменов тратил время, впустую занимаясь “тюркизмами” в шумерском и “шумеризмами” в тюркских. Так полагал главный советский специалист по мертвым языкам Древней Передней Азии — Дьяконов.

— Вы и сегодня не сомневаетесь в том, что вам удалось увидеть дальше признанных шумерологов? С ходу, с налету на волне поэтического вдохновения! Ведь вам было еще только двадцать шесть, когда вы открыли для себя шумерские материалы. В “Шумер-наме” в главе “Право на ошибку” описана встреча с В.В. в московской квартире, Лаврушинский переулок, 17, в феврале 1964 года. Вы пишете, что показали ему первые свои опыты по сравнению тюркских слов с шумерскими. И приводите его мнение. Я процитирую. “Знаете, какое самое древнее славянское слово? Запомните его, это — **есть**. И каков возраст этого старика? Не более двух тысяч лет. Остальные слова разрушились, видоизменились настолько, что если бы (пофантазируем) удалось открыть памятник праславянской литературы, скажем I века нашей эры, уверяю вас, мы бы встретили в нем лишь одно знакомое слово — **есть**. Наукой твердо установлено, что слово не выдерживает испытания временем. Оно развивается, теряя и приобретая новые звуки, изменяя смысл.

...Существует теория, утверждающая — слово смертно. Чтобы поколебать ее, нужны факты — слова, слова, слова бессмертны. Отдельные, разрозненные примеры ее не потревожат. Вашей идее консервативного слова противопоставит консерватизм науки. Ее ста доводам вы должны противопоставить сто один. Сотню на отрицание существующей теории и один — на утверждение вашей гипотезы. А вы начинаете прямо с утверждения. А наука без трезвого, догматического подхода к свежим фактам, без консерватизма, может превратиться в голую романтику”.

На мой взгляд, очень доходчиво и серьезно.

— Да, безусловно. У меня к арифметике В.В. за прошедшие годы появилось только одно дополнение. На отрицание существующей теории языкознания сотни доводов недостаточно. Требуется тысяча, а точнее, 1001. И еще я

понял, языковед должен обладать знаниями, интуицией историка, а историк владеть аппаратом лингвиста-этимолога потому, что основным источником знаний о прошлом становится слово, не только отмечившееся в памятниках, но и устное, записанное в словари.

— *А все-таки кого вы спрятали под псевдонимом В.В.?*

— Это не псевдоним. Инициалы Вячеслава Всеволодовича Иванова. Сегодня он, пожалуй, самый крупный специалист по мертвым языкам Древней Передней Азии. Автор множества работ и соавтор капитального труда “Индоевропейцы и индоевропейские языки” (совместно с Т.В.Гамкрелидзе). Капитальный и количественно — два больших тома. Читая его, я отметил, что взгляды В.В. на возраст слова существенно изменились. Теперь происхождение индоевропейской лексики, в том числе славянской, сохранившейся до сего дня в живых языках, отнесено ко II тысячелетию до Р.Х. Возраст удвоился. Развитие науки неизбежно приведет к дальнейшему увеличению века слов и языков. До десятков тысячелетий, а может, и сотен. Но для этого необходимо усовершенствовать этимологический метод. К сожалению, даже такие выдающиеся специалисты, как В.В., не владеют необходимым арсеналом этимологического анализа. Пользуются традиционным слуховым методом, который пока позволяет исследовать только верхний слой биографии слова. Издано в мире десятки этимологических словарей. Ни в одном нет ни одного слова, чья история была бы полностью раскрыта. Если не считать неологизмов типа **паровоз** и **самолет**. А составляющие этих сложных слов методом, основанным лишь на принципе фонетических соответствий, никогда не раскрыть.

— *А что вы предлагаете для усовершенствования этимологии?*

— Этимологу необходимо хотя бы представить в воображении историю возникновения и развития языка. За четыре десятка лет этимологических упражнений я понял, что наши предки создавали язык в два этапа. Первый самый древний этап — звукоподражание. Тогда были названы “говорящие животные”. Каждый вид млекопитающих выработал в процессе эволюции свое “слово” (созвучие), которое в определенных жизненных ситуациях, приобретая разный темпо-ритм, разные интонации, превращается в речь. Природное слово-язык животных одного вида состоит из одних и тех же звуков, в какой бы части света эти существа ни обретались. Буйвол в Африке, Америке или в Евразии сотню тысяч лет назад и сегодня говорит, используя один и тот же набор звуков. Вороны на всех континентах каркают на одном языке. И предок человека пришел в этот мир с одним словом — языком.

Человекоподобный сделал первый шаг к Человеку Разумному, когда догадался **назвать животное его “самоназванием”**. Слово-язык говорящего животного становится его именем. Дети и сегодня, учась говорить, называют

собаку **гав**, кошку **мяу**. Так и младенчеству человечество пыталось обозначать братьев по природе. В первобытных обществах выделился класс жрецов — они утверждали слово и знак. Названия животных в этих обстоятельствах должны были зависеть от степени развития музыкального слуха жреца.

— *До вас кто-либо говорил о возможности звукоподражательного происхождения человеческого языка?*

— Немецкий философ Лейбниц в начале XVIII века. Но в эту гипотезу никто не поверил. Потому что звукоподражанием можно было создать несколько односложных слов: “говорящих” животных не так много. Но остальные десятки тысяч слов, которыми человек выражает тончайшие оттенки чувств и мыслей, грандиозные научные идеи, создает литературные полотна, — как все эти великие слова-понятия могли нам подсказать мычащие, рычащие, блеющие, каркающие и шипящие дети природы? Эти вопросы занимали и греков. Платон считал, что язык от бога. Жан-Жак Руссо в XVIII веке был уверен, что первобытные люди договорились, как назвать предметы мира, их окружавшего, и понятия. Немец И.К.Аделунг в XVIII веке считал, что во всех языках мира первые слова состояли из одних гласных звуков. Русский ученый А.С.Шишков поддержал эту гипотезу. В русском языке, считал он, сначала были звуки а, е, и, о, у. Затем появились слоги типа ба, ма, на, та, потом двусложные баба, мама, няня, тетя. А потом, добавим, тем же бессмысленным путем язык доразвивался до “революции”, “индустриализации” и “плюрализма”.

Преподаватель швейцарского университета Соссюр в начале XX века подытожил дискуссии о происхождении слов и языка постулатом “Знак — произволен”. Под знаком он понимал слово. Конспекты его лекций, записанных двумя студентами, надо полагать, не стенографически, были после его смерти доработаны и изданы в виде объемистой книги. Хорошая пиар-кампания сделала свое дело. Языкознание стало развиваться “по Соссюру”. Его постулат ставил точку в извечной дискуссии о генезисе слова: **оно придумано произвольно**. Значительно облегчалась работа этимологов. Теперь не надо было искать причины возникновения слова.

Мне удалось восстановить **настоящий знак**, то есть **графический знак**, первоиероглиф, отпечатанный в значениях слов. И это ключ, золотой ключик, отпирающий заржавевшие чугунные двери, ведущие к тайным механизмам лексем. Это открытие, я полагал, и тридцать лет назад, и сейчас поможет филологии приблизиться к точным наукам.

Целую книгу можно посвятить восстановлению отражения в языках первоиероглифа, знака, подсказанного светлым божеством, символом первой религии человечества — месяцем.

Все кривое — некогда обожествлялось. Позиции знака в письменном поле имели значения.

— юная луна, она символ роста. У этого знака есть будущее: месяц будет полниться и дорастет до полной луны. Таким знаком передавали понятия Жизнь, Радость, Счастье, Юность. И жрецы учили изображать этот знак на лице. И научили: улыбка — символ лунопоклонничества. Пока ты улыбаешься — ты молод, весел и счастлив. У тебя все впереди.

— угасающая луна. Символ старости написан и на лице. Опущенные уголки губ. Грусть, печаль, тоска. Художники впоследствии сочетанием этих знаков изображали диалектику жизни. Китайские философы передавали двумя “рыбами” взаимодействия двух противоположных начал Инь-Янь, Комедии и Трагедии.

Язык символики лунопоклонничества сегодня не всем понятен. Возраст ее — многие десятки тысячелетий. До сих пор мы сохраняем необъяснимую преданность одному из главных символов нашей первой религии. Кто-то нашел современную форму его материализации — подкову. И мы прибаваем ее к дверям нового дома, квартиры, как знак счастья, как оберег. Со времен обитания наших пращуров в африканских тропиках “подкова” сохраняет положение южного месяца — “лодочкой”, рогами кверху. И не дай бог ошибиться. Я увидел в одном доме подкову, прибитую к дверям в позиции “старого месяца”. Объяснил, что это недобрый знак.

Символы солнцепоклонничества обнаруживаются в пещерах верхнего палеолита. Пятьдесят тысяч лет их возраст. Бусы — первые идола, образки солнцепоклонничества, которые находят в тех пещерах. Продырявленные плоские камешки, ракушки, позже — металлические диски, ставшие монетами. Эти предметы — идола солнца — носили нашитыми на одежду или на шнурках, как сейчас христиане носят крестик. Я попытался восстановить первые названия этого знака, полагая, что наименование божественного знака просто переносилось на предмет, сотворенный по его подобию. Для этого собрал по словарям названия бус, монист и монет: все первые монеты были первоначально идолами солнца и, как бусы, имели отверстие в центре. Сегодня только китайские монеты продолжают эту традицию. Нумизматы имеют в своих коллекциях и арабские динары с “дырками”, и другие. Я спросил одного ученого нумизмата: “Почему делались такие отверстия в монетах?”

— *Интересно, как он ответил?*

— Он сказал, что монеты носили на шнурках. Для этого и дырявили их. Трогательная забота о потребителе.

— А вы как считаете, для чего? Бусы-то явно дырявили для того, чтобы продеть шнурок и повесить на шею.

— Пятьдесят тысяч лет назад первобытный человек едва ли думал об этой функции отверстия на круглой ракушке или камешке. Но тем не менее он упорно дырявил гальку, а потом и металл, и драгоценные камни. Повторяю, десятки тысячелетий. И делали это не первобытные обыватели, а скорее всего, жрецы, интеллектуалы тогдашние, духовные лица, элита пещерных обществ, а потом и народов Египта, Шумера, Ассири-Вавилона, Древнего Китая. Дырявые кругляшки — я теперь уверен — были материализацией первого знака солнца, который дошел до письменностей Древнего Египта и Древнего Китая. В обеих иероглифических письменностях третьего и второго тысячелетия до Рождества Христова, то есть четыре-пять тысяч лет назад, египтяне и китайцы солнце изображали одинаково .

— Выходит, это был первый письменный знак? Первый иероглиф?

— Я думаю, не самый первый. Но один из первых. Ведь до солнцепоклонничества младенчествуящее человечество поклонялось луне. И можно догадаться — почему.

— Интересно.

— Вы, конечно, не читали моей книги “Язык письма”?

— Не пришлось. Где она вышла?

— Я ее написал, работая в Италии. Издал в Риме в 1998 году. На русском языке. Но она не дошла до Москвы. Ни одного печатного отклика на русском я не увидел за эти восемь лет. Только в интернете один сумасшедший читатель Александр Гангнус назвал книгу гениальной, а автора сравнил с Гете, который кроме написания стихов занимался еще и биологией и открыл в курином организме какую-то косточку, ранее не известную науке.

— Итак, почему же человек стал поклоняться луне? И почему знак солнца был дырявым?

— Сегодня уже никто не говорит, что Homo Sapiens появился на земле в разных местах. Антропологи, генетики и археологи сверили результаты своих анализов и сошлись во мнении, что вид Homo Sapiens произошел в приэкваториальной Африке. Возможно, одна-две пары особей в результате каких-то мутаций выбились из вида приматов. И дали потомство, в котором закрепились качества, выделившие его из среды братьев по природе. Сообразительность и сегодня, и всегда будет выделять личность из толпы. Этот же механизм развития поднимал человека по ступеням лестницы эволюции.

Солнце испепеляло африканца, луна ассоциировалась со светом и прохладой. В тропиках солнце не могло стать божеством. Только — ночное светило. А солнце, скорее, — дьявол, антилуна. Человек долго не мог изобразить солнце. Луну — просто. Круг и полукруг — месяц. А солнце тоже круг. Но чем-то в графике оно должно было отличаться от луны!

И гениальный жрец нашел выход.

Солнце было врагом луны. При его восходе гасло ночное светило. Солнце убивало луну. И эта идея воплотилась в образе: “солнце есть убитая луна”. Демон.

Я пришел к этому выводу, собрав на одном листе бумаги все дошедшие до нас иероглифы, изображавшие солнце. Самым похожим оказался древнеегипетско-китайский иероглиф . Другие все дальше отходили от образа природного объекта. Развитием египетско-китайского знака, мне думается, стал иероглиф майя . Здесь точка, вероятно, истолковалась как солнце, а круг — небосвод. Поэтому солнышку придали лучистость. Видимо, такой знак предшествовал шумерскому — 1) “бог солнца”; 2) “баран”. Вариантом знака божества был и . Славянские солнцепоклонники пекли посвященные солнцу крендели в виде этого знака и называли хлебцы характерно — **баранка**. Точка на египетских папирусах рисовалась красной краской, что, вероятно, должно было изображать кровавую рану — след копья, убившего луну. В идолах предметных рана изображалась проще — отверстием. Жрецы иных племен наложили на луну (месяц) черту (“копье”, “стрелу”), и это сочетание читалось как “убитая луна”. Мы до сих пор используем знак оружия в письме — зачеркивая букву или слово, а то и весь текст. Настолько оказался живуч этот первоиероглиф!

В древнетюркском алфавите дожил до VIII века н.э. иероглиф — **jaј** — 1) “солнце”; 2) “лук”. Благодаря ему мне удалось понять главные правила знако-, словообразования, действовавшие в общечеловеческом письме с самого его зарождения. Я разложил этот сложный знак на два простых — луну (месяц) и черту-оружие: — **j**, — **aj** — “луна, месяц”. Слово так звучало во всех тюркских языках издревле. У Хлебникова, помните: “Мой месяц Ай”. Он считал себя поэтом планеты, даже титул себе революционный придумал — “председатель Земшара” и потому пользовался иноязычными словами, не думая переводить их читателю. “Син сини Син плывет над уснувшими селами”. Мне, чтобы объяснить это Ивану Минье, французскому исследователю Хлебникова, пришлось вспомнить, что Син — имя вавилонского бога луны. Значит, вторая деталь сложного знака, скажем “стрела” называлась **j** (русское — й). Я понял из анализа сразу два правила первописьма.

Первое: **соединяя знаки, соедини их названия.**

j+aj. По тому, как сложилось слово, можно понять, какой простой знак прочелся первым, и определить направление строки. Знак **jaј** был написан в письме слева направо.

Второе: **название письменного знака становится названием предмета, подобного знаку: jaј — “лук” (оружие).**

Не думаю, что это было самое первое название стрелометательного оружия в тюркских языках, но одним из первых оно стало несомненно.

И, наконец, самое главное: письмотворца не смутило то, что письменный знак солнца не был похож на природный объект. Очевидно важнее было, что иероглиф выражал идеологию знака, а не внешнюю похожесть на дневное светило. Внешне тюркский иероглиф не похож и на египетско-китайский, но идеология у них была общей — Убитая Луна, то есть Не Луна, то есть — Солнце. Отличие — в тюркском изображена “стрела” (черта), в египетско-китайском — “рана” (красная точка, отверстие).

В древнекитайском письме II тысячелетия до н.э. я нашел иероглиф, подобный тюркскому — “луна, месяц”. Форма его в современной иероглифике узнаваемо изменилась, но название, думаю, сохранилось то же: **juј**. Когда-то оно попало в китайское письмо, но в собственном смысле не было принято: больше походило на пятнистую луну, чем на солнце. И китайские грамматисты приняли тюркский иероглиф в свою письменность, поправив его семантику. Солнце с пятном у них уже есть, и оно более похоже на дневное светило. По крайней мере, круглое. Правда потом, веков эдак через десять, круг с точкой превращается в квадрат с полосой — “солнце”. Тоже не очень похоже, но все-таки. В их письме понятие “круг” выражается квадратом. Вот такие дела. Поэтому я посчитал, что китайцы сохранили праформу и знака тюркского, и названия. Точка в письме на каменных поверхностях не сохранилась, сливалась с естественными шероховатостями письменного поля. Древнетюркское письмо дошло до нас в текстах, написанных на каменных стелах.

— *Понятно, почему дырявили бусы. Выходит, жрецы дырявили луну. Не значит ли это, что луну в палеолите называли ай, а солнце йай?*

— Не значит. **Ай** — самое последнее название луны в тюркских языках. До этого у ночного светила было много имен. Но самое первое общечеловеческое мы можем восстановить. Вернее, оба самых первых. Я хочу дать некоторым читателям нашей беседы интересное задание. Лет пять назад я направлял такое письмо в Гуманитарный университет его тогдашнему ректору Юрию Афанасьеву. С просьбой распределить среди студентов старших курсов такое задание — выписать из всех словарей, имеющихся в библиотеках Москвы, названия бус, монист, монет и других

подобных предметов. Для образца я посылаял в этом письме несколько найденных мной названий. Вот таких:

monile — “ожерелье”, “бусы” (латинское);

monole — “ожерелье”, “бусы” (манжурское. То есть эвенкийское, эвенское);

monshak (munchak) — “буса”, “бусы” (тюркское);

manika — “бусинка” (индонезийское);

monisto — металлические кругляшки с дырками, нашиваемые на девичью одежду у славян;

money — “деньги” (англ.);

monet — “монета” (латин.).

Признаться, хотел выбрать из ответов лучшие и установить переписку с их авторами. Обсудить ряд вопросов, вместе проанализировать результаты. Раздать следующие задания — собрать по языкам мира названия Быков и Не Быков — коров, баранов, волков, коз... Потом — названия луны... Названия солнца... Я хотел, чтобы в новом Гуманитарном университете готовились новые научные работники, а не “наученные”.


Знак даже у этих мною собранных слов был один — круг с отверстием. Он много тысячелетий назад воплотился в предметах. Общая часть их названий сводилась к ***mun** и, скорее всего, обозначала круг, изображавший луну. Точку, судя по всему, называли в этносах по-своему. Это, скорее всего, и свидетельствовало о том, что названия предметов этих не заимствовались из одного языка, а создавались самостоятельно. Только луна в племенах называлась одинаково. Именно этот период запечатлен в названиях бус. География распространения огромна. Первые названия бус становились именами монет, денег, драгоценных камней, жемчугов, которые использовались для этих целей. В языке Малого человечества, каким оно было в верхнем палеолите, я думаю, насчитывалось не более двух диалектов. В одном Луну и ее земного представителя Быка называли ***mung**. Африканский месяц походил на рога буйвола, и потому мычащего и обожествляли, видя его земным представителем луны. А его самоназвание ***mu-u-ng** стало и его именем, и названием небесного божества. Жрецы другого племени услышали самоназвание буйвола иначе и утвердили свое открытие — ***bu-u-ung**. Вот эти племена, носители двух диалектов, размножаясь, взаимодействуя друг с другом, разнесли по всей планете названия луны и предметов, подобных ей. Лучше сохранилось создание М-Диалекта. В английском, возможно, благодаря его островному положению, почти уцелел консонантный состав Первого человеческого Слова **moon** —

“луна, месяц”. Возраст его измеряется не эрами, не эпохами, а почти геологическими сроками. Это возраст вида Человека Разумного, век первой религии человечества — лунопоклонничества. Даже в континентальном германском форма слова изменилась. Скорее всего, пранемецкий жрец принял письменное солнце ***mon-et** за настоящую, пятнистую луну. Тогда его ошибка вошла в немецкий словарь как **monat** — “месяц” (часть года); **mond** — “луна, месяц”. Чистая луна, без пятна (***mung**) продолжилась лишь в немногих языках. В персидском **muh**, в аварском — **mots**. И некоторых других. Губной согласный **m** за прошедшие десятки тысячелетий доказал свою невероятную прочность. Вся остальная часть слова разрушалась, а начальный звук сохранялся. Чего не скажешь о начальном **b**. Он почти во всех названиях луны сошел к нулю. Ночное светило ***bung** потом называли — **ung** и даже **u** — как в языке майя. В общем языкознании не заметили изначала идущее чередование **m/б** и универсалию — слабость начального “б” в языках с начальным закрытым слогом. Не во всех языках эти закономерности проявляются так откровенно, как это было на ранней стадии развития общечеловеческих диалектов. Но если бы этимологи установили эти закономерности, то нашлось бы объяснение и разности, и родственности латинского **miser** — “несчастный” тюркскому **бишара** — “несчастный”. **Мусор** в русских говорах произносили и как **бусор**. И какое отношение к этим словам имел **бисер** и арабское **busra** — “поддельный жемчуг”, русское **мишура**. В тюркских средах слово **мусульман** произносят и как **бусурман**. Специалисты угро-финологи до сих пор не могут понять, почему в венгерском **en** — “я”, когда во всех других угро-финских **men, min** — “я”. Надо было заглянуть в тюркские словари и увидеть, что в них наряду с **men, min** — “я” существует и турецкое **ben** — “я”. Именно таким когда-то и было венгерское местоимение. Если бы эта закономерность была установлена и осознана, мы бы восстановили праформы множества слов, произошедших от начального ***bung**. И в частности, поняли, почему в древнегреческом и латинском алфавитах появились буквы — “y” и — “o”. Так, на мой взгляд, грамматисты Древнего Средиземноморья развели сложный гласный ***u** — “луна, месяц” по двум формам, изображавшим ночное светило — месяц и полная луна.

— Ну, это может быть плодом вашего поэтического воображения. Надо еще доказать, что буквы некогда были иероглифами. И что в Древнем мире какой-то высококультурный народ называл луну и месяц словом **u** и изображал их этими иероглифами. Алфавиты, как нас учили на филфаках, сочинили люди, которые...

— Знали постулат Соссюра — “знак произволен”.

— Вроде этого. Захотелось такому знакотворцу назвать кружок звуком “o” и назвал. Кто бы ему помешал? Свобода творчества и тогда, небось, не возбранялась. Особенно в Древней Греции.

— В книгах “Язык письма” и “Тюрки в доистории” мне удалось изложить свои наблюдения. Ни одна буква финикийского письма не сочинена создателями алфавита. Все они — иероглифы, служившие гербами семитских и индоевропейских племен, кочевавших по Ближнему востоку в конце второго тысячелетия до Рождества Христова. В финикийском собраны несколько знаков Коров. Корова, Вол и Баран были животными, посвященными солнцу. Их изображения становились гербами-оберегами племен. И наносились на пограничных камнях, отмечавших границы расселения народа. Заключение союза племен ознаменовывалось нанесением на заметной скале всех гербов. Таким образом, на камне ставили печати вождей племен под договором о военном союзе. Одна из таких писаниц, вероятно, и попала на глаза гениальному грамматисту. К тому же ему, по-видимому, были известны значения и названия гербов. Не случайно финикиец на первое место поставил семитский иероглиф  **alef** — “вол”. Мы видим лежащую на боку рогатую голову. И русские вола называли — “кладеный бык”. Может быть, и семиты так отличали вола от быка. Шумеры, например, быка изображали иероглифом — нормальная “стоящая” голова рогатого животного. Греки, зная, что первый знак финикийского письма обозначал вола, и вовсе повернули иероглиф, ставший первой буквой алфавита: **alfa**. Что здесь придумано эллином? Разве произволен был знак?

Так же произвольны были в финикийском алфавите другие знаки Не Быков — **kof**. Напоминает слова **kow, kov, gou, gau** — “корова” во многих индоевропейских языках. В латинском это буква **Q kv**. К этой же группе я отношу и **kaf**, ставшую в греческом буквой **K**. Все эти знаки — не просто “рогатые головы”, а некогда “убитый бык”, “не бык”. Зачеркнутые рога. Черта некогда обозначала копье ***ha**, а рога и были тем самым искомым **u** — “у”. И выражали два значения “бык” и “месяц, луна”. Вместе: ***ha-u > *haw**. Вот вам знаковая этимология названия коровы эпохи первоиероглифов. И еще один иероглиф из этой же серии состоял в финикийском алфавите: **Y wau, waw**. Все названия сохраняют черты различных диалектов. Как и названия коров. Это последнее, вероятно, восходит к ***au, *aw**. От этой же праформы, думаю, зависел шумерский термин **ab** — “корова”. В славянском **говядо** — “крупный рогатый скот”, несомненно, связано с **гов** — “корова”. И **овца** — “овца”, буквально “коровка”, “маленькая корова”.

— *Это интересно. Но известны ли иероглифические письменности, где хотя бы мелькнул знак коровы, подобный увиденным вами в финикийском? Без них это лишь ваши догадки.*

— Индоевропейские иероглифические системы не уцелели. Или еще не обнаружены. Шумерские, ассирийские письмены, хеттскую клинопись раскопали, можно сказать, только век-полтора назад. Может быть, археология еще скажет свое слово. Когда Ближний Восток успокоится. Ведь Шумер, Аккад, Вавилон нашлись в холмах Ирака. Пока историки письма

могли бы сослаться на данные древнекитайской иероглифики II тысячелетия до Р.Х. Смотрите, — “корова”, — “баран”. Когда я их увидел, понял, что финикийские знаки нашли опору. Значения доказаны, потому что современные китайские иероглифы с этими значениями произошли именно от этих графем. Но китаисты не восстановили идеологию знаков. Почему копьё (стрела) пронзает рога и порождает указанные значения? Мое понимание может объяснить, почему Убитый Бык порождал смыслы “Корова”, “Вол”, “Баран”. А так как рога это и месяц (луна), то одновременно отрицалось ночное светило и рождалось письменное солнце. И корова, и баран, и вол — были посвящены солнцу. Быка приносили в жертву солнцу. Но невежественные жрецы забыли смысл знаков солнца и велели забивать всех рогатых подряд. Пожалуй, только индусы пожалели корову. А несчастные бараны, возведенные в ранг земного представителя солнца, вот уже сколько веков идут под нож. Иероглифы ясно показывают — копьё убивало Быка и порождало Не Быков. Сегодня невежественные жрецы совершают ошибки, которые превращают народы в несчастных баранов.

— *Значит, вы собрали на одном листе бумаги вместе знаки коров из китайской и финикийской письменностей. Почему никому это раньше не пришло в голову?*

— Потому что языкознание основано на идеологии “Запад есть запад, восток есть восток, и с места они не сойдут”. Нас учили в школах и университетах, что американские индейцы произошли в Америке, азиаты в Азии, а европейцы, естественно, не в Африке.

Мы еще долго будем привыкать к мысли, что человечество — несколько десятков особей — зародилось в тропиках, обожествило буйволов и пошло по путям их миграций, на север Африки. Задержалось на несколько тысячелетий в Средиземноморье и оттуда двинулось несколько роев (родов) на восток, на поиски родины солнца. Унося египетский знак солнца, иероглифы коровы и барана. Предки индийцев, китайцев, японцев и других в будущем народов Юго-Восточной Азии веками шли по этому азимуту, а горизонт все не приближался. Раньше других пришли в себя индийцы, остановились на своем полуострове, китайцы — на берегу Тихого океана, японцы дошли до островов и сказали — “Хватит. Это и есть страна Восходящего солнца”. Фанатичные майя ушли на своих каяках дальше на восход и унесли слово **u** (“y) — “луна, месяц”, а также египетско-китайский знак солнца на Утренний континент. Другие пересекли и его, выйдя на Атлантическое побережье. И уверен, кое-кто пошел дальше и дошел до Африки. Но и там человек не обрел родину солнца — землю обетованную, где возрождается божественное светило и верные божеству люди получают бессмертие.

Только почувствовав в себе всю эту историю, языковед, он же — историк письма, догадается собрать на одном листе бумаги все знаки солнца, увидеть их отличия и общее, что объединяет эти формально не схожие знаки...

Тогда нетрудно будет понять, как создавались знаки “убитая луна” > “не луна” > “солнце”. Грамматика общечеловеческого письма и языка была едина. Формы отличались тем, что использовались знаки “Полная луна” и “Месяц”, а также “Рана” (“отверстие, красная точка > лучистая точка” — солнышко) и “Оружие” (“черта, копье-стрела”). Из этих четырех простых знаков были созданы впоследствии все двусложные.

Название основного элемента солнечного знака было разным. Только тюркское **ai** — “луна”, “месяц” дошло до нас в живых языках и в гербовых знаках казахских племен. Благодаря этому счастливому обстоятельству мы можем разложить сложный знак на составляющие, узнать механизм знако-, словообразования, который был общим во всех первоиероглифических письменностях человечества. Узнать, что элемент назывался j (“й”), обозначал стрелу. И о многом другом внимательному исследователю способен рассказать этот иероглиф.

Как я говорил, это был один из последних тюркских знаков солнца и возник он, вероятно, во II тысячелетии до н.э., когда и был заимствован в древнекитайское письмо, но в значении — “луна”. Шумерский иероглиф напоминает сдавленный тюркский знак: . Перемычка превращалась в ломаную линию и в греческой альфе: . Это все явления одного порядка. В книге “Тюрки в доистории” рассказывается о причинах превращения прямой в ломаную.

— *Вы сказали, языковед должен быть одновременно и историком письма. Что это значит?*

— Это значит, что слово создавалось благодаря образному первоиероглифу. И этимологию древнего слова можно узнать, только если будет восстановлен графический знак, названием которого некогда и было слово. Историю языка я бы разделил на два больших этапа. Первый — **звукоподражательный**. “Говорящие” животные называли себя сами. И второй — **знакоподражательный**. Когда удалось назвать “немые” предметы и явления, внешне похожие на знаки уже названных животных. Например, знак **mung (bung)** — “бык” помог назвать месяц и луну. Анализируя первоиероглифы и их названия, мы воссоздаем правила образования сложных знаков и сложных слов: **соединяя простые знаки, соединяли их названия**. — — **й+ай > йай** — 1) “солнце”; 2) “лук”.

И главный механизм словообразования: **знак + название знака + толкование знака = слово-понятие**.

— Получается, что иероглифическое письмо было в прошлом практически у всех народов.

— Первоиероглифическое письмо. Еще не утратившее образность. Именно такое письмо помогало производить слова из своих названий. Когда языки наполнились устными средствами выражения информации, то есть устными знаками, а иначе — словами, тогда функция образной письменности угасла. В ту пору большинство этносов и стали “бесписьменными”. Только самые государственно организованные сохранили первоиероглифику, развив ее в иероглифические системы, где не внешний образ, а звуковое значение стало играть главную роль.

Вот такие откровения ожидают историков языка и письма, если два этих феномена культуры будут, наконец, рассматриваться не изолированно друг от друга, но вместе, как взаимозависимые системы. Так же, кстати, как западные и восточные языки и письменности.

— Признаю, что за тридцать лет вам удалось сделать немало. По сути вы создаете теорию нового языкознания. И в международной деятельности ваш голос слышен. В прошлом году Генеральная конференция ЮНЕСКО проголосовала за ваше предложение о провозглашении 2006 года — Годом Планетарного Сознания. Масштаб ваших исследований, чувствуется, продиктован этим самым планетарным сознанием. Что означает это понятие в нашей раздрозанной современности, когда льется кровь, террористы взрывают дома, самолеты, метро? На землях Ассири-Вавилона и вашего любимого Шумера не утихает война, которая уже подталкивает планету к третьей мировой. Нужны ли в этих условиях новые книги, стихи и древнекитайские иероглифы? Да и само планетарное сознание?

— Недавно в России правительство отпустило деньги на развитие патриотического сознания. В каждом государстве СНГ годами кипят споры о “национальной идее”, которая обычным образом тихо сводится к националистической. Государства, которые борются с международным терроризмом, должны направлять свои усилия на развитие планетарного сознания. Оно отличается от национального, от патриотического только одним малым — планетарное сознание не приемлет национальных, расовых, социальных и религиозных предрассудков, которые и взращивают террор и войну. Люди — носители планетарного сознания есть в каждом народе. И если такие будут входить в элиты своих государств, парламенты, правительства и в президентские кабинеты, то тогда странам легче будет договориться о главном, о выживании человечества. И каждого этноса. И с терроризмом будет покончено, с бедностью и сохраним природную среду.

Вот что такое планетарное сознание. И начинается оно в школьных классах, где история родного отечества все еще заменяет собой историю

человечества. Вот почему я считаю, что в XXI веке гуманитарные науки, кем-то названные мировоззренческими, должны стать таковыми. Воспитывать планетарное сознание. А для этого они обязаны перестать быть не-естественными и не-точными.

— *Как далеко за эти тридцать лет после разгрома “АзиЯ” ушло академическое языкознание?*

— Никуда оно не ушло. Стоит на месте. Это видно по упорному застою в этимологии. Нет обобщающего подхода. Узкие специалисты много сделали для науки. Но их материалы изолированы друг от друга, в разных сферах филологии. И этот хаос будет продолжаться, пока фрагменты мозаики не будут собраны вместе, в единственно верном порядке, способном превратить их в подлинную картину развития мировой культуры, духовной и материальной.

Для этого необходимо пересмотреть основные постулаты лингвистики, когда-то провозглашенные отцами языкознания. Не повторять их из века в век, как священное писание. Они действительно полезно поработали в начальный период, когда некоторые системы, выявленные при узнавании некоторых (немногих) языков, дали возможность признать рождение научного языкознания. С тех пор прошло два века. Описаны сотни языков, опубликованы сотни словарей, сотни грамматик. Но теория общего языкознания не способна охватить, объединить, привести в естественный порядок многократно возросшее количество материала. Та теория была рассчитана на начальное количество. Давно устарела, хотя при удаче уже тогда можно было избежать ошибок, тормозяще сказавшихся на развитии науки о языке. Я имею в виду возникновение учения об индоевропейской семье языков, по образу которой были созданы и другие семьи. Но об этом как-нибудь потом в следующей беседе.

А сейчас важно обсудить это предложение. Новый этимологический инструментарий “знаковая этимология” — позволяет проникнуть в тайны происхождения самых древних слов, в язык человечества палеолита. Мы узнаем происхождение культур, религий и цивилизаций. Узнаем, как человекоподобный становился Человеком мыслящим.

— *Надеемся, обсуждение вашей гипотезы состоится и, конечно, не такое как в Академии наук в феврале 1976 года. Давно сказано — истина рождается в споре. В обсуждениях, а не голословных осуждениях, какие применялись в эпоху диктатуры пролетариата. Кто-то назвал ученых той поры пролетариатом умственного труда. Ныне время другое. Кстати, какие ответы насчет бус вы получили из Гуманитарного университета?*

— Время другое, но почта хуже стала работать: ответы не поступили.

— Ясно. И последний вопрос. Как вам работается в наши дни. Я имею в виду литературный, исследовательский труд. За официальную службу вам платят. И, по-видимому, неплохо. В советские времена писатели вашего уровня были самыми высокооплачиваемыми гражданами. Никто, даже секретари ЦК КПСС, не получал в год выше, чем иные писатели. Сколько вам платили за стихи?

— Последний советский гонорар я получил в начале 1990 года, в алма-тинском издательстве. Больше двухсот тысяч рублей. Правда, и тираж книги был двести тысяч.

— Двести тысяч рублей по тогдашнему официальному курсу — более трехсот тысяч долларов. Лучший советский автомобиль “Волга-31” стоил, помню, шестнадцать тысяч рублей. А в рыночные времена за стихи перестали платить вообще. Вы поэтому перестали писать стихи?

— Нет, не поэтому. Всем стало не до стихов.

— Но этимологию не бросили. Выпустили в 1998 году “Язык письма”, в 2002-м — “Тюрки в доистории”, сейчас пишете продолжение “Славяне в доистории”. Будет и продолжение этой серии. Вы издали эти книги за свой счет?

— Друзья взяли расходы на себя.

— И все же, что заставляет вас более четырех десятилетий дни и ночи писать о происхождении слов и знаков, ездить по библиотекам мира, прочитывать сотни книг, исписывать десятки тысяч страниц, не получая за это ни зарплаты, ни гонораров? Что заставляет вас этим заниматься? Патриотизм? Желание удревнить историю своего народа и тюрков?

— Вначале именно патриотические чувства приводят тебя на эту дорогу. Потом, когда ты углубляешься в историю слова, оно само по себе так увлекает, что уже не имеет значения его этническая характеристика. Тебе уже неважно, кто его сочинил — грек, тюрк, славянин или китаец. Меня, например, поразило, что шумерское слово **en** — “бог” уже в древнесемитском превратилось в **el** — “бог”, а в языке коми вот уже шесть тысячелетий сохраняется в прежнем виде **en** — “бог”, и отдельно, и в тех же словосочетаниях, что и в шумерском. И какую радость я испытал, когда нашел иероглифический знак чечено-ингушского, абазинского слова **malh, marca, mara** — “солнце”, и его родственность соответствующим словам языков Древней Передней Азии третьего тысячелетия до нашей эры.

— Это и все, что вы получаете за свой труд?

— Да, минуты счастья. Самый великий гонорар. Все это хорошо для романтизации работы со словом. Но плохо, что государства привыкли к такого рода отношению к гуманитарным наукам. Они хорошо финансируют только “оборонные исследования”, которые работают на войну. Нужно понять, что мировоззренческие науки, которые должны работать на мир, требуют к себе не меньшего внимания. Да, верблюд возит золото, но ест колючку. Не потому, что он романтически любит эту диету, а потому, что в пустыне другого корма попросту нет. Но мир пока не превращен в пустыню, человек должен понять свое Слово — “изогнутый лекалом мысли звук” — которое и сделало его Человеком мыслящим. Двадцать первый век — должен стать веком планетарного сознания, воспитанного гуманитарным знанием. Вот о чем разговор.